

Шэнь Цяо не двигался очень долгое время. В это мимолетное мгновение блеск мечей и сверкание клинков растворились в тишине. Немного склонив голову, он обнимал медленно остывающий труп Юй Ая. Никто не мог сказать, о чем он думает.

Возможно, он вспоминал о давнем прошлом, о том, как они, будучи соучениками, проводили свои дни на горе: вместе ели, спали и занимались боевыми искусствами.

Однако не стоит гнаться за старыми мечтами. Обстановка осталась прежней, но люди — нет. В конце концов, человек никогда не сможет вернуться к прошлому.

Точно так же, как некоторые ошибки никогда не могут быть исправлены, есть некоторые травмы и шрамы, которые никогда не заживут. После того, как человек умер, он не сможет пробудиться и воскреснуть вновь.

Сцена, развернувшаяся перед глазами Юнь Чана, не оставила его равнодушным. Несмотря на то, что он был всего лишь сторонним наблюдателем, он не мог сдержать слез. Оценив ситуацию, он быстро пришел в себя и вскрикнул:

— Младший брат учителя Шэнь! Младший брат учителя Шэнь!

Увидев, что Шэнь Цяо остается неподвижным, Юнь Чан предположил, что он был слишком убит горем и потерял рассудок. Он не мог избавиться от чувства крайней тревоги.

Оглядываясь по сторонам, он понял, что положение горы Сюаньду не изменилось в лучшую сторону.

Пускай один из самых могущественных противников — Сан Цзинсин — скрылся, большинство членов секты Хэуань все еще присутствовали. Сяо Сэ был ранен Бянь Яньмэем ранее, но его травмы были не такими серьезными. Из-за того, что Бянь Яньмэй ушел с Лю Юэ в погоню за Тань Юаньчунем, они потеряли еще двух старейшин горы Сюаньду, и осталось только пятеро. Им необходимо сдержать Дуань Вэньяна, а также других мастеров Тузцуэ, которых Дуань Вэньян привел с собой, в том числе и Сяо Сэ. Все это было действительно очень тяжело для них.

Кун Цзэн, возможно, и был старшим, но его боевые искусства все еще немного уступали навыкам Дуань Вэньяна. В данный момент Кун Цзэн был яростно атакован противником, ему было трудно устоять, из-за чего его меч практически выскользнул из рук. Его ноги двигались хаотично, а тело дважды пошатнулось прежде чем упасть на землю. Он попытался защитить свою спину, в результате чего был открыт спереди. Дуань Вэньян вложил истинную ци в хлыст, который на мгновение стал прямым, как меч, и направил в грудь противника. Удар был быстрым и яростным, так как он был объят убийственной аурой.

Если бы этот удар попал в цель, то в груди Кун Цзэна определенно зияла бы огромная дыра.

Увидев это, Юнь Чан поднял меч и бросился на помощь; однако его скорость значительно уступала мыслям. Он отставал на три-четыре шага, так как же ему успеть вовремя? Хлыст Дуань Вэньяна уже соприкоснулся с одеждой Кун Цзэна и вот-вот вонзится в его плоть. Юнь Чан подсознательно закричал, думая, что он вот-вот лично станет свидетелем смерти своего учителя.

В одно мгновение перед его глазами мелькнул призрачный образ. Юнь Чан подумал, что это просто обман зрения, так как он моргнул всего один раз, но в этот момент хлыст Дуань Вэньяна уже был отведен назад. Теперь рядом с Кун Цзэном стоял кто-то еще.

— Младший брат учителя Шэнь! – воскликнул Юнь Чан одновременно от радости и удивления. Он и сам не ожидал испытать столь противоречивые чувства.

— Отведи младшего брата учителя Кун в сторону. Клинок слеп, поэтому может ранить любого, – Шэнь Цяо даже не повернул головы, когда протянул руку, чтобы поддержать Кун Цзэна, прежде чем броситься к Дуань Вэньяну.

Дуань Вэньян предполагал, что после напряженной битвы с Сан Цзинсином Шэнь Цяо значительно ослабнет. Он никак не ожидал, что истинная ци его противника будет похожа на бесконечный и вечный источник, который непрерывно вливается в тело меча. Сияние, сформированное истинной ци, было совершенно безупречным. Хотя Дуань Вэньян умело орудовал своим кнудом, он все же не смог нанести удар.

— Даочжан Шэнь, если ты хочешь что-то сказать, мы можем все как следует обсудить. Не нужно прибегать к насилию! Мы с Сан Цзинсином разные люди, между мной и тобой нет глубокой вражды. Сегодня мы пришли сюда по приглашению Тань Юаньчуня, и смерть Юй Ая — целиком и полностью плод его стараний. У каждой несправедливости есть свой виновник, и должник сам отвечает за свои долги. Даочжан Шэнь должен вынести справедливое решение по этому делу!

Дуань Вэньян не похож на своего учителя. Пусть его талант был исключительным, а сам он стал самым уважаемым и ценным учеником Ху Лугу, учитель не почитал его из-за смешанного происхождения. В результате его манера решать вопросы сильно отличалась от манеры Ху Лугу: он обдумывал проблему и решал, перевесят ли затраты выгоду, прежде чем предпринимать дальнейшие действия.

Хотя и говорят, что отношения между учителем и учеником подобны отношениям между отцом и сыном, даже тигр может породить собаку; следовательно, даже если учитель является могущественным мастером, не факт, что таким же будет его ученик. Кто-то вроде Ци Фэнгэ, возможно, и был героем своего поколения, но каждый из его учеников обладает своей уникальной личностью, и, в конечном итоге, каждый из них выбирает свою дорогу. Даже если бы Ци Фэнгэ вернулся к жизни, он не смог бы заставить их всех жить в соответствии с его образом мышления.

Поэтому, если бы Ху Лугу был здесь, возможно, он бы изо всех сил боролся с Шэнь Цяо, пока

не определился бы победитель. Однако Дуань Вэньян был другим. Он понимал, что сегодня не достиг своей цели, поэтому продолжал искать пути выхода из сложившейся ситуации.

— Тань Юаньчунь сейчас отсутствует, поэтому ты можешь утверждать все, что вздумается. Когда я поймаю тебя и встречу с Тань Юаньчунем, чтобы проверить твои заявления, мы установим истину.

Когда он произнес эти слова, энергия его меча действительно несколько замедлилась. Сердце Дуань Вэньяна наполнилось радостью, когда он увидел, что ситуация изменилась и улучшилась в его пользу. Он быстро сказал:

— У нас с даочжаном Шэнем было несколько встреч друг с другом. Хотя мы не в дружеских отношениях, я знаю о твоей способности отличать благодарность от обиды, а также о твоём добром и справедливом характере. Это мой младший брат, Кунье, заставил тебя упасть со скалы, но он уже погиб от твоих рук. Теперь и Юй Ай лишился жизни — вся ненависть и обида должны закончиться на этом.

— В таком случае, почему вы решили подняться на гору сегодня? Разве это не было сделано для того, чтобы устроить заговор против горы Сюаньду, воспользовавшись ситуацией?

Дуань Вэньян сохранил невозмутимое спокойствие, улыбнулся и ответил:

— Человек должен поступать в соответствии со своим положением — разве это не одно из изречений ханьцев? Твоя точка зрения отличается от моей, и то, как я решаю вопросы, расходится с твоими убеждениями. Я действую на благо Тузцуэ, в этом нет ничего плохого, и ты не можешь винить меня за это. Если бы Тань Юаньчунь тайно не сообщил нам, что сегодня состоится выбор нового главы, мы бы об этом не узнали. В конце концов, все сводится к одному: прежде чем пытаться отразить внешние угрозы, даочжан Шэнь, нужно сначала стабилизировать внутренние дела!

Даже Шэнь Цяо поразила его толстокожесть после сказанных слов.

— Юй Ай упомянул, что попал в засаду и упал со скалы. Я так понимаю, что это твоих рук дело?

Дуань Вэньян великодушно признал:

— Да. Но только потому, что Тань Юаньчунь заранее показал нам тропу на обратном склоне горы Сюаньду, которая никак не охраняется. Пройдя через массив, можно попасть прямо на вершину. По правде говоря, Тань Юаньчунь уже давно заключил с нами тайное соглашение. По нему мы с главой секты Сан должны были сегодня привести на гору своих людей и убить всех старейшин твоей уважаемой секты, которые возражали против его вступления на пост главы, а после этого Тань Юаньчунь должен был сам отразить наше нападение. Выгода заключалась в том, что после того, как он утвердит свое положение в секте, он разделит с нами богатство и

классические тома Пурпурного дворца Сюаньду. Этот план был довольно всеобъемлющим и учитывал все. Если бы не появление неожиданной помехи в виде даочжана Шэня, все прошло бы довольно гладко.

Шэнь Цяо знал Тань Юаньчуня десятилетиями и никогда не подозревал, что нежный и добрый старший брат, которого он хранил в своем сердце, на самом деле окажется предателем, маскирующимся под преданного человека. Хотя он ожидал этого раньше, он все еще имел проблеск надежды на то, что, возможно, другой человек действовал против своей воли и, таким образом, все еще может быть освобожден от ответственности за свои действия. Возможно, были какие-то смягчающие обстоятельства, о которых он не мог говорить, чтобы поступить так, как поступил. Только когда он скрыто напал, убив вместо него Юй Ая, Шэнь Цяо, к своему ужасу, обнаружил, что за последние несколько десятилетий Тань Юаньчунь, которого он знал, возможно, никогда не был настоящим Тань Юаньчуном.

Дуань Вэньян как будто заметил, о чем другой думал глубоко в своем сердце, и неожиданно решил утешить его:

— Даочжан Шэнь не должен сильно огорчаться из-за этого. Мы никогда по-настоящему не знаем истинной природы человека. Правда в том, что в тот день, когда Юй Ай взял «Радость от встречи» у моего младшего брата, чтобы отравить тебя, Тань Юаньчунь внес большой вклад в ситуацию, подстрекая его, разжигая и раздувая пламя. Не смею утверждать, что именно из-за него Юй Ай решил навредить тебе, но слова, разжигающие рознь и разногласия, определенно возымели действие.

— У тебя есть доказательства?

Дуань Вэньян улыбнулся.

— Конечно, у меня их нет. Кунье и Юй Ай мертвы. Должен ли я отправиться в ад, чтобы найти их и вернуть обратно в качестве свидетелей? Это всего лишь слова, которые мой младший брат сказал мне в то время. Правда это или нет, даочжан Шэнь может спросить самого Тань Юаньчуня!

После этих слов он отошел и убрал оружие. Раздался свист. Воины Тузцуэ действовали так, будто получили приказ, и последовали за ним, быстро удаляясь в том направлении, откуда пришли.

Дуань Вэньян даже не повернул головы, произнося слова на расстоянии:

— Когда мы поднимались на гору, двое учеников с горы Сюаньду были уже мертвы — они были убиты людьми из секты Хэчуань. Я только ранил их и определенно не убивал. Даочжан Шэнь может осмотреть раны на их телах и убедиться сам, поэтому я прошу тебя не возлагать этот долг на мою голову!

Сяо Сэ был в ярости.

— Бесстыжий!

Они прибыли вместе, однако перед лицом опасности разошлись в разные стороны. А самым отвратительным было то, что перед уходом он умудрился еще и подставить Сяо Сэ перед врагом.

Сан Цзинсин и Бай Жун бесследно пропали. Теперь, когда и Дуань Вэньян забрал с собой своих людей, как оставшиеся члены секты Хэхуань могли сохранить боевой дух? Один за другим их умы и сердца сбивались с толку, в них нарастало смятение. Люди горы Сюаньду заметили их уязвимость, и все они потерпели сокрушительное поражение, в полном беспорядке обратившись в беспорядочное бегство. В итоге из тринадцати прибывших людей секты Хэхуань только Сяо Сэ и двое других смогли в панике выбраться. Оставшиеся десять человек были вынуждены расстаться с жизнью под натиском разъяренной толпы горы Сюаньду.

Кун Цзэн, хромая, подошел к Шэнь Цяо и признался в своих промахах, прося о наказании:

— Кун Цзэн был некомпетентен и не смог задержать Дуань Вэньяна.

Шэнь Цяо оглядел всех присутствующих. Лица многих из них выражали стыд и смущение. Некоторые не решались встретить его взгляд, поспешно отводя глаза и опуская головы.

Шэнь Цяо прекрасно понимал, что эти люди ведут себя так не потому, что им не удалось задержать Дуань Вэньяна и Сяо Сэ. Скорее, причина крылась в том, что никто из них не попытался поддержать Шэнь Цяо, когда он попал в тяжелое положение, вместо этого перейдя на сторону Юй Ая.

Теперь, когда времена изменились и все прояснилось, многие, конечно, поняли, что сотрудничество Юй Ая с Тузцуэ в попытке возглавить гору Сюаньду и восстановить связь со светским миром, чтобы вернуть себе положение ведущей даосской секты, — не более чем отражение цветов в зеркале или изображение луны на поверхности воды. С самого начала все было неправильно — у них не было устойчивого фундамента. Именно поэтому они медленно, шаг за шагом, двигались к пропасти.

И все же кто мог предположить, что Юйвэнь Юн, не поддерживавший ни буддизм, ни даосизм, умрет от внезапной болезни в расцвете сил? Мог ли кто-нибудь предвидеть, что некогда могущественное царство Ци будет захвачено Чжоу? Преемник Юйвэнь Юна, Юйвэнь Юнь, не только не смог продолжить наследие своего отца и развить его до больших высот, но и передал государство в чужие руки. Север сменил династию и открыл новую эру, и за заслуги Шэнь Цяо перед новой властью ему был присвоен титул Тунвэй Юаньмяо даосский духовный учитель храма Сюаньду. Благодаря этому и гора Сюаньду, и даосские фракции теперь имели место, отведенное под них в династии Суй. С этого дня традиции и наследие даосизма смогут передаваться будущим поколениям.

Династия Суй действовала вопреки слабой позиции, которую заняли династия Чжоу и Ци по отношению к Тузцуэ. Сделав их прямыми врагами, обе стороны были на грани того, чтобы обнажить мечи и перейти к противостоянию. Юй Ай хотел позаимствовать силу и влияние Тузцуэ, чтобы осуществить свою мечту: привести гору Сюаньду к власти, но в конечном счете он не дождался до того, чтобы стать свидетелем этого. Непостоянные обстоятельства мира смертных постоянно меняются — кто мог предвидеть такой исход с самого начала?

Именно потому, что это было неожиданностью, большинство из собравшихся в душе ощущали вину и стыд и не хотели встречаться с Шэнь Цяо лоб в лоб. С этой точки зрения видно, что на самом деле они не вынашивали злых намерений.

Конечно, Шэнь Цяо также понимал, что для успешного вступления Юй Ая в должность главы ему необходимо было заручиться поддержкой нескольких старейшин. Скорее всего, даже большинство учеников секты осознавали, что Юй Ай подходит на эту роль больше. Если уж разбираться дальше, то самое большее, что можно сделать, — это изгнать этих людей из секты. Однако это оказало бы слишком большое влияние на гору Сюаньду и в итоге привело бы к нехватке учеников. Есть вещи, на которые можно закрыть глаза и притвориться, что ничего не видишь, потому что было бы неразумно заходить слишком далеко в их исправлении.

На этой земле нет никого, кто был бы совершенен во всех отношениях. Шэнь Цяо, возможно, пережил много взлетов и падений в жизни, но он не держал большой обиды ни на своих соучеников, ни на младшее поколение горы Сюаньду. Точно так же он не питал мыслей о мести и не испытывал никакой гордости или восторга после того, как преодолел свои испытания и невзгоды.

В прошлом он занимал должность главы горы Сюаньду. Его неспособность удержаться на этой должности была в основном вызвана его собственной небрежностью. Обвинять других, не осознав сначала своих собственных ошибок, — это было просто не в стиле Шэнь Цяо.

Поэтому он сказал Кун Цзэну:

— Тот факт, что Юй Ай отравил меня, естественно, непростителен. Но его уже нет в живых. Смерть человека сродни погасшей лампе — после нее ничего не остается. Давайте оставим этот вопрос. Я отнесу его труп к памятным табличкам наших предков, чтобы попросить прощения.

Сказав это, Шэнь Цяо резко перешел на другую тему:

— Однако с этого дня я надеюсь, что все на горе Сюаньду будут работать вместе с решимостью, столь же единой и непоколебимой, как крепость. Если в будущем будет какой-либо сговор с посторонними, виновные будут наказаны в соответствии с предписаниями и дисциплинарными правилами нашей секты — никому не будет оказано снисхождение.

Он больше не тот, кем был раньше. Его слова были окутаны густым и мрачным туманом, и холодная властная сила в них одновременно внушала благоговейный трепет и пугала толпу,

заставляя ее сразу же согласиться с его словами.

В настоящее время больше нет необходимости проводить еще одну церемонию наследования. Естественно, все молчаливо признали статус Шэнь Цяо как чжанцзяо секты.

В зале Саньцин творился страшный бардак. Люди уже начали приводить в порядок плачевное положение дел. Шэнь Цяо попросил Кун Цзэна послать людей с горы на поиски учеников, стоявших на страже у подножия, с приказом вылечить раненых и достойно похоронить погибших.

Поскольку раньше он был чжанцзяо, то, естественно, справлялся с этими делами в высшей степени грамотно. Все было организовано и упорядочено.

Именно в это время вернулся Бянь Яньмэй. Он доложил:

— Тань Юаньчунь задержан. Старейшина Лю отправил его в зал наказаний, где вы содержите заключенных, и в настоящее время ожидает твоего решения.

На его теле, как и в уголках рта, можно было заметить свежие пятна крови. Шэнь Цяо поспешил спросить:

— Ты ранен?

— Ничего серьезного, - он отмахнулся, - старейшина Лю пострадал сильнее, чем я.

Он был слишком смущен, чтобы признать тот факт, что, будучи учеником Янь Уши, он не смог победить даже одного Тань Юаньчуня.

Шэнь Цяо достал лекарство от травм и сказал:

— Моя внутренняя сила противоположна твоей, поэтому я не смогу оказать помощь в лечении.

Бянь Яньмэй с благодарностью принял лекарство и улыбнулся.

— Неважно. Мои травмы несерьезны; я восстановлюсь через несколько дней, если немного помедитирую. Тебе стоит сходить и взглянуть на Тань Юаньчуня. Думаю, у тебя есть много вопросов к нему.

У Шэнь Цяо действительно накопилось много вопросов, которые хотелось задать. Но когда он вошел в зал наказаний и подошел к Тань Юаньчуню, привязанному к столбу с крайне жалким и несчастным видом, то вдруг почувствовал, что ему нечего спросить.

Напротив, Тань Юаньчунь выглядел очень холодно и безразлично. Увидев, как Шэнь Цяо вошел, не сказав ни слова, он не смог удержаться от усмешки.

— Ты, должно быть, испытываешь удовлетворение, наблюдая мой жалкий конец?

Шэнь Цяо некоторое время молчал, а после повернулся к ученику горы Сюаньду, который стоял рядом с пленником и присматривал за ним:

— Развяжи его. И принеси сюда подушки.

Ученик был несколько встревожен этим.

— Глава?..

— Не волнуйся. Пока я здесь, ничего плохого не случится.

Ученик шагнул вперед и ослабил его путы, а также подвинул для них подушки для сидения.

Шэнь Цяо махнул рукой, намекая, что ученик должен покинуть зал, и сел напротив Тань Юаньчуня.

Поначалу Тань Юаньчунь решил хранить молчание. Однако он не выдержал тишины в ожидании чужого голоса и вскоре взволнованно выпалил:

— Что именно ты хочешь мне сказать? Не имеет значения, вытяну ли я голову или втяну обратно, результат будет тот же. Давай уже покончим с этим!

— Я не знаю, что сказать.

— Победитель становится героем, проигравший — разбойником. Зачем беспокоиться об этой притворной благожелательности?

Шэнь Цяо это не тронуло, и он спокойно ответил:

— Первый старший брат, мы были соучениками на протяжении десятилетий. С тех пор, как я вступил в секту, пока учителя не было рядом, именно ты заботился обо мне. Время, которое мы провели вместе, в разы превышает время, проведенное с Юй Аем или Юань Ином. Я думал, что очень хорошо тебя понимаю, но оказалось, что я ошибался. Тем не менее, у тебя должно быть четкое представление о моем характере; ты хорошо знаешь, притворяюсь ли я добрым или сострадательным. Так зачем же намеренно пытаешься разозлить меня?

Двое переглянулись. Тань Юаньчунь без труда посмотрел в глаза собеседнику.

Темные, но в то же время ясные и прозрачные, словно пронизывающие насквозь. Неизменные с давних лет.

Стены, которые он воздвиг между ними, рушились одна за другой. Без равнодушного и надменного выражения на его лице осталась лишь безжизненная, как стоячая вода, пустота.

Тань Юаньчунь закрыл глаза и спросил:

— Что ты собираешься со мной делать? Убьешь меня в качестве компенсации за смерть Юй Ая?

— Перед уходом Дуань Вэньян упомянул, что в тот день ты шепнул Юй Аю на ухо слова, которые в конечном итоге побудили его отравить меня.

— Верно.

Прямое признание заставило руку Шэнь Цяо, лежавшую на колене, слегка задрожать.

Пристальный взгляд Тань Юаньчуна не упустил эту деталь, и уголки его рта насмешливо изогнулись дугой.

— Может быть, даже сейчас ты все еще питаешь какую-то надежду на этого старшего брата? Я слышал, что ты перенес много страданий и лишений после того, как покинул гору. Могу только представить, с какими тяготами пришлось столкнуться слепому человеку, чья основа боевых искусств была разрушена. Однако ты не только выдержал это испытание, но и сумел восстановиться: такого я не ожидал. Поздравляю, А-Цяо. Учитель однажды сказал, что Дао боевых искусств — это не что иное, как постепенное продвижение вперед. Есть только одно исключение: разрушить основу, а затем построить ее заново. Только путем сильных эмоциональных потрясений человек может быстро восстановить свое боевое искусство. Это не норма, но, полагаю, ты понял слова учителя. Теперь великий старец с улыбкой на устах будет покоиться в загробном мире.

— Почему?

Тань Юаньчунь знал, о чем именно он спрашивает.

— Нет никакой причины. Мне всегда не нравилось, что учитель передал должность главы тебе. История с Юй Аем была просто случайной возможностью. От меня не требовалось ничего особенного, лишь подтолкнуть лодку по течению, так почему бы и нет? Как видишь, даже Юй Ай не смог понять, что я намеренно провоцировал его, настраивая против тебя. Если бы ты не появился сегодня, я бы уже занял свое законное место главы.

Шэнь Цяо больше не мог скрывать свою ярость и боль.

— Мы столько лет были соучениками, ты знаешь мой характер! В тот год, когда учитель передал мне должность главы, я беспокоился, что это может тебя расстроить, и расспрашивал об этом. Тогда ты ничего не возразил! Даже если впоследствии я занял это место, если ты действительно так сильно хотел его получить, ради тебя и сохранения мира между нами, я бы обязательно принял меры. Почему ты поступил именно так?!

Тань Юаньчунь издал пару мрачных смешков и вдруг вспыхнул:

— Почему?! Как ты смеешь спрашивать почему?! Учитель принял меня раньше, чем тебя, но все равно ценил тебя больше! Я самый старший ученик, но учитель передал все свои знания тебе! Отбросим все это: твои врожденные способности выше, твои природные задатки лучше, и учитель, естественно, отдал тебе предпочтение ради дальнейших интересов секты. Это я еще мог понять. Но почему он покровительствовал тебе даже в самых пустяковых вопросах? В его сердце был только ты, Шэнь Цяо, самый любимый ученик, и не было места даже для тени кого-то другого! Если я ему не нравился, он мог просто изгнать меня, и дело с концом. Почему наше существование должно служить только фоном, на котором можно увидеть, насколько хорош его любимчик?!

Сердце Шэнь Цяо похолодело, и он недоверчиво посмотрел на него.

— Это то, как ты всегда видел учителя?

— Учитель баловал и любил тебя. Он был предвзят по отношению к тебе во всем. Естественно, в твоём сердце он был совершенен во всех отношениях, без каких-либо недостатков! Но как насчет остальных?! Если бы я хотел быть главой, ты бы позволил мне это сделать. Да, в твоём сердце присутствует братская любовь, ты доброжелателен, щедр и предан, но какой в этом смысл? Это был бы не Ци Фэнгэ, который лично передал должность мне, с какой стати мне тогда принимать ее из твоих рук?! Какой смысл в том, что ты передашь мне сотню должностей главы? Я хочу доказать, что его стиль ведения дел неправильный, что ты совершенно недостойн его высокого уважения или доверия. Я хочу доказать, что его выбор был неверным в отношении положения дел на горе Сюаньду. Я хочу, чтобы он открыл глаза и хорошенько посмотрел со стороны из-под земли, и увидел, что он был неправ! Я хочу, чтобы он помнил, что у него также был ученик по имени Тань Юаньчунь!

Сейчас это свирепый и злобный старший брат, который стоит перед его глазами, но где же тот приветливый и кроткий человек, которого он знал столько лет?

Шэнь Цяо долго молчал и только устало вздохнул.

— Юань Ин и Гу Хэнбо не разделяют твоих чувств.

Тань Юаньчунь усмехнулся.

— Это только потому, что они вступили в секту намного позже. С тех пор как они присоединились к нам, учитель никогда не обращал на них особого внимания. В основном это ты учил их боевым искусствам от имени учителя, так что, конечно, у них не было никаких ожиданий. Если ты спросишь человека, который никогда не попробовал кашу раньше, какова она на вкус, сможет ли он дать тебе ответ? Теперь ты знаешь, что добрый первый старший брат, которого ты держал в своем сердце, всегда был фальшивым. Я трудился и притворялся десятилетиями, пока учитель был еще жив, боясь, что он разочаруется во мне. После того, как учитель скончался, я боялся, что могу случайно проговориться и слишком рано раскрыть свои намерения. Но теперь мне, наконец, больше не нужно притворяться. Я не могу выразить словами, как мое сердце наполнено неопишуемой радостью!

Он поднял голову и громко рассмеялся.

— Я удовлетворен! Полностью удовлетворен!

Шэнь Цяо наблюдал за ним, пока тот громко смеялся. Печаль на его лице постепенно сменилась безразличием. Он молча встал.

— Так что же ты собираешься со мной делать? Ты собираешься убить меня, или ты намереваешься уничтожить мое зрение и боевые искусства, а затем вышвырнуть меня, чтобы я мог испытать твои собственные прошлые страдания и трудности?

Шэнь Цяо мгновение пристально смотрел на него. Затем он резко обнажил свой меч, двинулся вперед и выбросил руку вперед.

Тань Юаньчунь успел лишь мельком увидеть, как перед ним несколько раз сверкнул меч, и в следующее мгновение все его тело пронзила сильная боль. Когда он попытался сформировать свою ци, его тело оказалось опустошенным, не осталось даже малейшего следа внутренней силы.

Конечно же, он хотел, чтобы его постигла участь похуже смерти! Тань Юаньчунь не смог удержаться от мрачной усмешки.

Затем он услышал слова Шэнь Цяо:

— Ты замышлял заговор против своих соучеников и нарушил правила секты. Ты должен быть казнен за это. Однако учитель на смертном одре велел мне лелеять и защищать моих братьев и сестру, чтобы они были в безопасности и благополучии. Кроме того, я должен относиться к тебе с величайшим уважением и никоим образом не должен пренебрегать тобой только из-за того, что ты не являешься главой. Юй Ай уже мертв. Учитель определенно не хотел бы, чтобы еще один ученик сопровождал его в загробном мире. С этого дня ты отправишься на пик Цюньлин и будешь охранять гробницу учителя. Будь то зима, лето, весна или осень — тебе запрещено даже на полшага покидать пик Цюньлин. Для меня же ты не более, чем мертвец.

Он не оглядывался, и его силуэт удалялся, пока не исчез совсем. Однако его слова еще долго продолжали звучать эхом.

Тань Юаньчунь опустился на колени, словно не чувствовал боли в своем теле. Он уставился на удаляющуюся спину Шэнь Цяо, как будто был в трансе.

Через некоторое время он вдруг разразился громкими причитаниями и бурными рыданиями!

Вопли из зала наказаний были слышны даже на расстоянии. Шэнь Цяо остановился на полпути и посмотрел на небо.

Там было широкое пространство ясного и залитого солнцем неба, на котором не было видно ни единого облачка. Прозрачный лазурный цвет, казалось, не был затронут ни горем, ни радостью живых существ под ним.

Шэнь Цяо закрыл глаза и опустил голову. Он посмотрел на Шаньхэ Тунбэй в своих руках и вдруг вспомнил то время, когда Янь Уши использовал этот меч, чтобы снять чешую с рыбы, пока они укрывались в пещере.

Прежде чем он осознал это, печаль в его сердце постепенно рассеялась.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14532/1287418>